

**ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА**

Номер журнала посвящается 90-летию
со дня рождения Оздоевой Фирузы Гериевны,
доктора филологических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации

ВЕСТНИК
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук
им. Ч.Э. Ахриева

№ 2 – 2019

Научный журнал
Выходит два раза в год

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Жеребило Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор

Акиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Кабардино-Балкарская Республика);

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера);

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция);

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «История Кавказа», Институт Истории Национальной Академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Бигтирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований;

Габунни Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета;

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований КБНЦ РАН;

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор, академик, Президент АН Республики Абхазия (Республика Абхазия);

Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск);

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии (Республика Дагестан);

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор, ректор Ингушского Государственного университета;

Султыгова Марифа Магомедовна, доктор филологических наук;

Танкиева Лидия Хусеновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Цороева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, профессор Ингушского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, Ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Арапханова Лейла Якубовна – кандидат политических наук, заведующая отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института им. Ч.Э. Ахриева;

Долгиева Марем Белановна, профессор ИнГГУ, кандидат исторических наук, заведующая отделом исто-

рии Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева;

Киева Зуфира Хаджибикаровна – доктор филологических наук, заведующий отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Накостоев Хаваш Алиевич – редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Ялхароева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

**К ВОПРОСУ ШУМЕРО-ИНГУШСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ
И ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ДОШУМЕРСКИХ НАСЕЛЬНИКОВ МЕСОПОТАМИИ
(к постановке проблемы)**

Хайров Б. А.,

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук

им. Ч. Э. Ахриева, Магас (Россия)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию субстратной лексики в шумерском языке на основе данных ингушского (нахского) языка путем лексических сопоставлений на формальном уровне. В статье предпринята попытка установить, что первыми поселенцами Месопотамии были носители нахско-дагестанских языков.

Ключевые слова: Шумер, Месопотамия, Передняя Азия, субареи, хурриты, дошумерское население, дошумерский язык, дошумерский субстрат, прасеверокавказский, восточнокавказский, хурритский, урартский, нахский, бацбийский (цова-тушинский), ингушский, чеченский, грузинский, даргинский, лакский, древнегреческий, хеттский, этрусский, праенисейский, прасинотибетский.

**ON THE ISSUE OF SUMERIAN-INGUSH LEXICAL CORRESPONDENCES AND ETHNIC
ATTRIBUTION OF PRE-SUMERIAN INHABITANTS OF MESOPOTAMIA
(to the problem statement)**

Khairov Baiali Abukarovich,

Ingush Research Institute of Humanities named

after Ch. E. Akhriev, Magas (Russia)

Annotation. This article is devoted to the study of substrate vocabulary in the Sumerian language on the basis of Ingush (Nakh) language data by lexical comparisons at the formal level. The article attempts to establish that the first settlers of Mesopotamia were the speakers of the Nakh-Dagestan languages.

Keyword: Sumer, Mesopotamia, Asia minor, Zagros, subarea, the Hurrians, the population of pre-Sumerian, pre-Sumerian language, pre-Sumerian substrate, protegrity, protoveratrine, perseveratively, vostochnobeisky, Hurrian, Urartian Nakh, batsbi (Nemtsov Tushino), Ingush, Chechen, Georgian, dargwa, Lak, ancient Greek, Hittite, Etruscan, prieniseiskoi, presentience.

«Значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения.., не принадлежащие ни к шумерскому, ни к одному из раннесемитских языков. Эти слова, возможно, следы одного или нескольких более древних языковых субстратов... Следы древнейших языков могут дать реальную возможность проникнуть в тайну взаимоотношений Месопотамии с востоком, севером и западом...» (Оппенгейм А. Лео, 1980, с. 35).

В предыдущих нескольких работах мы делали попытки установить шумеро-ингушские лексические соответствия. При этом почти весь исследуемый нами лексический материал относился к области ономастики: топонимика, теонимы и астрономы, а также наименования храмов и зиккуратов (Хайров Б., Евлоев Я., 2005; Хайров, 2011, с. 149-210; Хайров, 2012, 163-178; Хайров, 2013, с. 200-202, 206, 208-212; Хайров, 2014, с. 90-102; Хайров, 2017а, с. 75-77; Хайров, 2017б,

с. 30-51; Хайров, 2019, с. 66-82).

В данной работе, несколько расширяя область своих исследований, мы намерены путем вычленения нескольких шумерских слов из базисной шумерской лексики и сопоставления с ингушскими (или общенахскими) установить их сравнительно-историческую этимологию.

Для осуществления заявленной цели нам необходим краткий экскурс в историю зарождения и развития шумерской письменности.

[Думается, что нет надобности в данной статье затрагивать вопросы этнической ситуации дошумерского периода Месопотамии, так как в предыдущем выпуске настоящего издания нами были подробно изложены сведения о дошумерских населенниках Месопотамии и их роли в освоении Двуречья (Хайров, 2019, с. 69-71; см. также Хайров, 2017б, с. 42-43; Хайров, 2012, с. 169-171).]

И.М. Дьяконов отмечает, что в шумерской письменности «...уже на стадии идеографии почти всякий знак имеет более одного значения, так как он не только выражает понятие, не определяя, каким именно словом оно должно быть выражено, но при этом обыкновенно может передавать даже не одно понятие, а целый пучок ассоциативно связанных понятий... Поэтому и при развитии логографии каждый знак получает целую группу понятийно связанных словесных значений, например, рисунок ноги передает основы *du*, *ara*, *gin* «ходить», «идти», *gub* «стоять»... По той же причине знаки, получившие впоследствии фонетическое значение (силлабограммы), часто также получают не одно, а несколько фонетических звучаний (явление полифонии).

С другой стороны, как видно из предыдущего примера, одно и то же звучание может передаваться разными знаками в зависимости оттого, с каким понятием оно связывается (явление омофонии). Так, *du* «ходить» пишется знаком НОГА, а *du* «строить» пишется знаком КОЛЫШЕК» (Дьяконов, 1967, с. 39-40).

«...Так как словесный знак сам по себе не дает указания на произношение слова, и, будучи связан с целым ассоциативным пучком понятий, многозначен, то при передаче гласных формантов слоговыми знаками одновременно передает и последний согласный основы: например, [*gub-a*] «стоящий» пишется НОГА *-ba*, чтобы отличить от [*gin-a*] «идуший», что пишется НОГА *-na* (в обычной транслитерации *gub-ba*, *gin-na*, где слоги *-ba* и *-na* являются фонетическими комплиментами к идеограмме, передающей основу, и одновременно выражают формант причастия *-a*. Первоначально знак НОГА (*gub*, *gin*) мог передавать любую форму соответствующего глагола, например, *gina* «идуший», *gineda* «чтобы идти», *munegin* «туда пришел» и т.д. Но с середины III тысячелетия знак начинает передавать только основу слова, и [*gina*] пишется *gin-na*, [*gineda*] – *gin-ne-da* (или, чаще, *gine-da*), [*munegin*] – *mu-*

ne-gin. Таким образом, любое шумерское слово в форме чистой основы передается идеограммой-логограммой, имеющее же форманты – сочетанием знака в идеографическом (логографическом) значении для основы со знаками в слоговом значении для формантов, причем знак для гласного суффикса содержит одновременно и указание на последний согласный основы. Этим приемом не передается какое-либо удвоение этого согласного: *gin-na* надо читать [*gina*], имя *Lugal-zag-gi-si* надо читать [*Lugal-zage-si*]...». Автор поясняет, что «...транскрипции, раскрывающие структуру слова, или вообще не следующие написанию подлинника, даны в квадратных скобках. Без квадратных скобок дана транслитерация, соответствующая орфографии подлинника или совпадающая с ней» (Дьяконов, 1967, с. 42, 43; см также Гельб, 1982, с. 298; Фридрих, 1979, с. 63-67).

ЕК *giri* (гири) «нога»> ЕС *me-re* (Дьяконов, 1967, с. 48) [ср. инг. *m̄ar*(г); чеч. *m̄ir* – «пинок»]; *giri* «нога», вариант *gir* (Дьяконов, 1967, с. 50, 51, 52); *gub* «стоять»; «ставить», «быть поставленным» (Дьяконов, 1967, с. 63; см. также Дьяконов, 1958, с. 63); *gin-* (*n*)*a*, *gin-a* «хождение», где *-a* суффикс (Дьяконов, 1967, с. 80); *ga* – «идти, торопиться, слать, приносить, уносить» (Дьяконов, 1958, с. 54).

Шум. *gir* значит «путник, странник», букв. «идуший» (в контексте произведения он оказывается духом мертвых) (Афанасьева, 2000, с. 62; Крамер, 1991, с. 233).

Некоторые глаголы движения шумерского языка с непереходным значением: *te* «приближаться» (ср. инг. *t̄a* глагольная приставка, обозначающая направление действия на поверхность чего-либо, чаще передается приставками на-, до-) (Ингушско-русский словарь, 2009), *gi4* «возвращаться», *gur* «поворачивать, возвращаться» (Шумерский героический эпос., с. 256).

По новым сведениям И.Т. Каневой, шум. *gin* «ходить», «идти», «пойти»; *gir* «нога, путь»; *gid* «протяженность», «длина» (быть длинным). Автор, ссылаясь на мнение Крехера, к списку шумерских слов, содержащих фонему ġ (ġ = инг. [ɟI]) относит ġin:du «идти»; ġir «нога», «путь»; iġin «бродить», «ходить вокруг» (Канева, 2006, с. 81, 83, 116, 183, 235). Нам кажется, что факт принадлежности всех вышеприведенных слов к однокоренным не должен вызывать сомнений. Для некоторых из них в недавнем прошлом (Крехер, 1978), как мы уже писали, было установлено

точное фонетическое звучание. Следовательно, корневой основой этих слов является консонант \check{g} (gI), и правильнее будет их всех без исключения читать именно с этой фонемой, а не иначе.

Для сопоставления с шумерским $\check{g}in$ мы возьмем инг. gIa «шаг». Производными от gIa «шаг» в ингушском являются следующие слова: gIo , $gIyo$ (вода, вахар, вахав, Горгва) – глаг. *однократ. действ.* «сходить, пойти, съездить»; $gIaish$ нареч. «пешком»; $gIaishlo$ сущ. «пешеход, ходок»; $gIaishjok$ «пах» (где -юкь означает «середина»); $gIaish-nik$ «тропинка» – из gIa «шаг» (Ингушско-русский словарь, 2009; Оздоев, 1983, с. 36). Чеч. форма $gIulch$ «шаг» также является производной от gIa (Халидов, 2006, с. 122; Мациев, 2000).

К этой семантической группе относится бацбийское $gIob$ «иди» (бацб. gIa «шаг») (Дешериев, 1963, с. 303), инг. $хулча$ (< $gIulcha$) – «гонец, ходок» (по инф. д.ф.н. Л.У. Тариевой); $хулчи$ – обувь из сыромятной кожи (в обоих словах мы наблюдаем естественное фонетическое чередование: переход фонемы $[zI]$ в $[x]$, например, $ваха-воаgIa$ и др.); $gIaba$ (произв. от gIa ? «шаг») – ножные колодки, кандалы, оковы (Ингушско-русский словарь, 2009). Как и в шумерском, корневой основой в нахских языках является консонант $[zI]$. Налицо корневое тождество инг. gIa и шум. $\check{g}ir$. [Ср. другое шум. слово ara «ходить», «идти» с инг. $v-ar$, $\check{y}-ar$, $b-ar$, $d-ar$ ($v-$, $\check{y}-$ $b-$, $d-$ – классные показатели) «явка», «приход», «приезд», «доставка», «принесение» (Ингушско-русский словарь, 2009)].

Интересные параллели имеются и в некоторых дагестанских языках: рутул. $гъили$ «нога» (Алексеев, 2003, с. 128); чам.-гак. $гъаб$, чим.-гиг. $гъабу$ «нога» (Бернард Комри., 2010, с. 210) (где $гъ$ = инг. gI).

Примечание. Укрепленные поселения обозначались в латинском языке словом *orridit*, дословно «граница для ноги» (Немировский, 2000, с. 101). Семантически с данным словом перекликается шумерское $gipar$ «ограда», «загон», ингушское $gIap$ «крепостная стена» и бацб. $gIob$ «иди», «забор», вычленяющие в своем составе общие фонетические компоненты, восходящие к одному понятийному содержанию: gI + об (аб) имеют глухой вариант $[n]$ (инг. $gIap$), обусловленный абсолютным концом слова. Чередование $[o]$ и $[a]$ в корне слова естественный процесс для нахских языков (Дешериев, 2006, с. 155, 349-352).

[Ср. шум. gib «стоять», но и «ставить» и «быть поставленным» (Дьяконов, 1967, с. 63). Любопытен факт внешнего созвучия этих слов с инг. $gIov$ «торс, фигура, стан человека», «стена» (Куркиев, 2004) и с устаревшим ингушским именем Губи (Губоби)].

В связи с этим интерес вызывают бацбийские составные наименования: $gIapgIap$: gIa *къатайар* «расставить ноги, начать шагать»; $gIapgIapi$ *къатайар* «расставить ноги»; $gIapan$ «ловушка», «капкан» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984): структура данных слов включает сегмент gIa «шаг» и формант с уменьшительно-ласкательным значением – «-инг».

Согласно С.А. Старостину, корень исследуемого нами термина представлен в прасеверно-кавказском, прасинотибетском и праенисейском языковых семьях, которые он объединяет в одну синокавказскую макросемью.

Ср. ПВК $*\check{g}erV$ «нога» (?) ПСТ $*g/\check{u}/p$ «нога, колено»: югский (енисейский) $\check{h}er$ «подошва»;

ПВК $*\check{h}warV$ «лапа»: ПСТ $*k(h)ar$ «развилка ног»: ПЕ qar -ки «икры ног» (графема V -символ любого гласного звука) (Старостин, 2007а, с. 274).

Период распада синокавказской макросемьи автор датирует приблизительно периодом 8-9 тыс. лет до н.э. (Старостин, 2007а, с. 282). Следовательно, древность этого слова определяется 10-11 тысячами и больше лет, и отсюда проистекает бесспорный вывод, что данное слово никоим образом не может быть заимствованным.

Ю.Е. Березкин отмечает, что ближневосточные поселения всегда были плотно заселены и подавляющее большинство поселений имело четкую границу. С увеличением численности населения граница поселения обычно сохранялась, и новые здания возводились на развалинах старых или в промежутках между уже стоящими, т.е. происходил рост «внутрь». Надо сказать, что традиция возведения стен вокруг поселений имеет глубокую древность и восходит она к VIII-VI тыс. до н.э. Стена имела не только оборонительное назначение, но и символическое, что вытекает из того, что она подчеркивает границу между поселением и сельской местностью (Березкин, 1997, с. 14-15). Возвращаясь к латинскому «orridit», следует отметить, что, по всей видимости, римляне означенное понятие, как и многое другое, переняли от этрусков – народа с восточными корнями (тезис о восточном проис-

хождении этрусков основательно подтверждается лингвистическими и археологическими фактами (Иванов, 1988, с. 208, 216, Иванов, 1983, с. 5, 155).

Таким же образом термин *карт* (керт), изначально обозначающий в нахских языках «забор», «ограда», «изгородь», во многих языках древности и современности стал понятием «двор», «сад», «огород», «поселение», «город» и наблюдается как часть слова во многих топонимах (Меликишвили, 1965, с. 26).

О глубокой древности происхождения этого термина можно судить по его наличию в прасевернокавказском языке. Согласно выводам С.А. Старостина, корень термина *карт* представлен в прасевернокавказской, прасинотибетской и пранисейской языковых семьях. ПСК *kirtwV «загон, ограда»: ПСТ *Kat id.: югский (относится к енисейским языкам) kutuk «конура» (Старостин, 2007а, с. 278).

Период распада синокавказской макросемьи, как было сказано выше, автор датирует приблизительно 8-9 тысячелетием до н.э. (Старостин, 2007а, с. 282).

Согласно выводам того же автора, хурритское *kirxi* означает «ограждение нижнего города» (Старостин, 2007б, с. 748). Думается, что определение Старостина С.А. должно исключить всякие сомнения о языковой принадлежности этого термина.

Примечание. Ю. Линперт отмечает, что «забор («Zaun» или «Gard») имеет огромное значение в истории развития собственности и заселения страны: свидетельства об этом хорошо сохранились в языках средневропейских народов. Немецкое обозначение забора «*hag*» и «*gard*» вошли в состав названий множества населенных мест. Английское «*Yard*» обозначает как составную часть забора, так и двор. Податски в деревне – двор, а в городе большой дом называется *Gaard*, и тот же корень сохранился в славянских словах *город* и *hrad* (Линперт, 1907, с. 218, 221, 222).

Исходя из всего сказанного, мы можем сделать вывод, что исследуемый термин восходит к синокавказской языковой общности.

Наглядным примером эволюции терминов подобного типа может послужить инг. термин *шахар* «город», «поселение», «общество», ко-

торый в древнееврейском означал ворота (ša' ar), но использовался для обозначения города, так как ворота были центром общественной жизни города (Учение ..., 1993, с. 282). [Ср. инг. *zlap*: *zlap-карт* «забор (плетеный)»; «калитка, ворота (плетеные)»; *zlap(e)* «щит-плетенка»; бацб. *zag* «плетенье» (из прутьев) (Ингушско-русский словарь, 2009; Барахоева и др., 2016; Кадагидзе Д., Кадагидзе, Н., 1984).]

В шумерском языке в настоящее время обнаружены супплетивные пары семантически тождественных глаголов, относящихся к альтернативному классу, например, пара: *dug4:e* «говорить» (Канева, 2006, с. 81). В другом месте автор несколько разделяет эту пару по их значению: *dug* «сказать»: *e* «говорить» (Канева, 2006, с. 82-84, 122).

Неличные глагольные формы в виде корня, снабженного суффиксом *-a*, функционируют в качестве самостоятельного члена предложения и получают значение имен, называющих понятия, вещи. Эти имена характеризуются действием или качеством, свойством, передаваемым глаголами, например: *dug4* «сказать» – *dug-a* «решение», «высказывание», т.е. «то, что высказывают»; *gù-dé* «обращаться», *gù-dé-a* «просьба», т.е. «то, с чем обращаются»... (Канева, 2006, с. 184); *du*, *dug* «говорение» (Дьяконов, 1967, с. 430). (Ср. имя правителя города Лагаша Гудеа («призванный»; 2136-2104 гг. до н.э.) и имя собственное Гуди у ингушей).

В шумерском языке «*gu...-de* «звать», «призывать», провозглашать», «кричать», *gu-nun-dì* (*dì* вариант к *de*) «громко возглашать» (*gu* «голос», *nun* «великий»); *mi-zi(d)-du(g)4* «благожелательно говорить» т.п. (Дьяконов, 1967, с. 80).

Глагольные имена в шумерском языке образуются и от составных глаголов, в том числе с прилагательными при «внутреннем» (постоянном) объекте: *gu-nun-dì* «громогласный», *gu-de-a* «призванный» и т.п. (Дьяконов, 1967, с. 81).

Глагол *gù-dé* «обращаться» (букв. «голос-лить») оформлен суффиксом *-a* (*gù-dé-a-ni* < *gù-dé-a-ani*) и выступает в роли имени «обращения»... (Канева, 2006, с. 73, 74). По-шумерски *gù* «крик, звук» (Гельб, 1982, с. 302; Канева, 2006, с. 43).

Отсюда вытекает, что глагольные формы *dug* «сказать» – *dug-a* «решение», «высказывание», *gù-dé* «обращаться» (букв. «голос-лить») имеют одну и ту же корнеоснову в виде согласного [g].

По сведениям все той же И.Т. Каневой, корень в шумерском представляет собой самостоятельное слово и является носителем лексического значения (Канева, 2006, с. 190). [И.Т. Канева к списку слов, содержащих фонему [g̃], относит шум. *nīgīr* \ *nimḡīr* «вестник», «глашатай»] (Канева, 2006, с. 24, 235). Думается, что во всех случаях без исключения мы имеем дело с фонемой [g̃] (инг. [gI]). В бацбийском (цова-тушинском) языке мы находим лексическое и семантическое тождество шум. *dug* в виде *уgI-рикI*—«крикун, тот кто кричит»; *в-уgI-рикI* – «крикун» (мужчина); *й-уgI-рикI*—«крикун» (женщина); *д-уgI-рикI* — «крикун», «ревуший» от *в-уgI* (*й-уgI*, *д-уgI*)— «кричи, реви» (ср. чеч. *уgIapɔ* || *уgIapɔ* – «крикун»; инг. *угIapɔ*(<угIариг) «крикун») — «реви, кричи»; бацб. *дугIо* – «кричит» (Дешериев, 2006, 202, 335, 371, 391, 404, 480, 521). Цова-туш. (бацб.) *дугIap* «кричать», *дугIp-икI* «крикун» (Чрелашвили, 2001, с. 202). Суффикс *-рикI* (*-икI*) в бацбийском исторически восходит к суффиксу уменьшительности (*-u*)g. В современном бацбийском языке он не употребляется для образования новых слов с оттенком значения уменьшительности (Дешериев, 2006, с. 404-405). Следовательно, чеч., инг. *-риг*, *-рг* соотв. бацб. *-рикI* (Дешериев, 2006, с. 480). Ю.Д. Дешериев считает, что в нахских языках «с префиксально-суффиксальным способом связано и образование имен существительных путем сочетания окаменелых и функционирующих классных префиксов с разновидностями суффикса субстантивации основ глаголов, прилагательных, наречий, числительных: чеч. *-риг*, *-рг*, *-ниг*; инг. *[-p]*; бацб. *-рикI*». Этот автор относит *-рг* к усеченному фонетическому варианту *-риг*. В инг. *p* соответствует чеч. *-рг*. По-видимому, в составе *-риг* || *-рикI* звук *[-p]* является фонетическим наращением (Дешериев, 2006, с. 390-391).

Этот же автор отмечает, что в период самостоятельного исторического развития чеченского языка (после распада нахского языка-основы) в функционировании грамматических классов произошли весьма незначительные изменения. Эти изменения сводятся главным образом к нескольким формам, одно из которых заключается в утрате классного согласования некоторыми глагольными и другими формами слов: чеч. *уgIap*, инг. *увgIap* — «реветь» (ср. бацб. *д-уgIap*, *й-уgIap*, *б-уgIap* с классными показателями) (Дешериев, 1963, с. 370, 371). О ранее существовавших классных показателях в ингушском языке в

словах с той же корнеосновой свидетельствуют наличие реликтов из того же ряда, например: личные имена *Бугдан* (дословно «рев делающий» с конечным назальным *n*), *БугIи*; гидроним *БугIар-аьли* (букв. «ревуший ручей, поток»), топонимы *БугIарда-дукъ*, *БугIарда-босе*; слово-омонимы *бугIа* – бык, бугай (от *у(в)gIа* «реветь»); *бугIа* – борец (слово, по всей видимости, образовалось от традиционного боевого клича, произносимого для устрашения противника). Таким образом, тождество шум. *dug4* «говорить» и бацб. *дугIан* «кричать» не вызывает сомнения. Следовательно, инг. *увgIа* (*увgI*, *увgIap*, *увgIарда*) глаг. «выть», чеч. *уgIар масд*. «вой» также тождественны шумерскому *dug4*.

Хотелось бы в этом шумерском слове в начальной фонеме *[d]* (как в ингушском и бацбийском языках) усмотреть классный показатель, но заявление подобного типа представляется нам пока преждевременным и малоубедительным. Скорее всего, исследуемый термин имеет другой тип словообразования, а именно: *dug4*<*di*, *dú* «делать» + *gi* «голос», т.е. «делать голос (рев)» [Ср. инг. де, бацб., чеч. дан «делать» (Ингушско-русский словарь, 2009; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000)].

Наличие единого корневого согласного *[gI]* мы можем также наблюдать в приведенных выше и следующих примерах ингушского и чеченского языков: *gIap* – «шум, гул, голос, говор»; *gIийбат* «наушничество, наговор, злословие»; чеч. *gIар-гIовgIа* – «шум (голосов)», *gIерgIа* – «реветь». Геминация звука *[gI]* дало *гIовgIа*; инг. *гIоугI* «шум», «гул», «говор»; бацб. *гIавgIав* «шум», «гам» (Ингушско-русский словарь, 2009; Мациев, 2000; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984).

По мнению Ю.Д. Дешериева, *[gI]* – заднеязычно-щелевая звонкая фонема, в современных языках встречается во всех позициях. Фонема *[gI]* выступает и в качестве корневого согласного исконных нахских слов (Дешериев, 2006, с. 243). [Ср. ПЕ **(h)иxъ-* «кричать» кеттский *d-йүэ*, *дйү* «кричать», коттский *hujеј* «крик», *hujеј-ākј* «кричать» (Старостин, 2007 в, с. 168)].

В различных диалектах даргинского языка в слове *речъ* (*произносить*) улавливается та же корневая согласная *[gI]*, например: в дарг. лит. *gIайукхни*, *gIайукхес*; в губденском, ицаринском: *gIай*; в кадарском, мугинском, муиринском, урахинском, усишинском, цудахарско-тантынском *gIай*; в хайдакском *gIайдарара*; в кубачинском

ɣalɪ xlaɪ.

В лакском лит. *ɣalɪɣla mɪun* – речь (произносить), сказать, говорить, разговаривать; в аварском лит. *кIалъай, кIалъай хIабизе, кIалъазе* – речь (произносить). Очевидно, к той же корневой согласной [ɣl] восходит и термин *ɣalɪ* «слово» в даргинском языке и его диалектах и говорах: дарг. лит., гапшиминском, гапш.-шукт. (шуктинский говор гапшиминского диалекта), ицаринском, кубачинском, мугинском, муиринском, сирхинском, усишинском, хайдакском, цудахарском, цудх.-тант. (тантынский говор цудахарского диалекта) (Бернард Комри..., 2010, с. 768-769). В этой связи интересно привести сопоставления, приведенные И.М. Дьяконовым и С.А. Старостиним: хуррит.-урарт. *gul-: хуррит. kul- «возвещать, торжественно произносить» <ПВК *ʔV-gwVl-: рутул. h-alga-s «разговаривать», арчин. lag-um «песня»; дарг. диалект. –al-gw-n- (регулярно < *-agw-l-) «спрашивать», авар. gal-ize «говорить, разговаривать», годоберин. gul- «говорить, разговаривать» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 189). Если присовокупить сюда общекартвельское *ɣag/ɣg* «кричать, петь» (Меликишвили, 1965, с. 28), груз. *m-ɣəra* «пение», *si-m-ɣəra* «песня», *ɣriali* «крик»; [m] в грузинском языке очень часто исторически отдельная морфема, имеющая нулевую реализацию (Утургаидзе, 1978, с. 61), имеющую, как видим, ту же семантику и фонетику, мы приходим к мысли о едином термине для всей картвельской и нахско-дагестанской общности.

Г.А. Климов рассматривает эту морфему как имеющую общекартвельскую основу: *ɣag-* / *ɣg-* «кричать, петь»: груз. *mɪeg-* «петь»; мегр. *ɣog-*, *ɣwaɣ-* «кричать, реветь»; чан. *mɪog*; сван. *ɣag-* / *ɣg-* «петь»; *ɣagɣag-* «кричать»: груз. *ɣagɣad-* «кричать, вопить»; мегр. *ɣagɣal* – «болтать»; *ɣa(ɣ)ɣal* «говорить» автор возводит к грузино-занской основе (Климов, 1964, с. 201).

В лакском лит. *ɣalɪɣla* «речь» семантически близко к шумерскому *galga* ([g̃]=инг.[ɣl]) «совет, решение» (Канева, 2006, с. 235). *Тенгиз Гудава* дополняет значение этого слова понятием «мудрец» (Гудава, <http://www.netslova.ru/gudava/>).

Шумерское *galga* и лакское *ɣalɪɣla* созвучны самоназванию ингушей «*ɣalɪɣla* (ед. ч.), *ɣalɪɣlaj* (мн. ч.)». По всей видимости, данный этноним восходит к шумерскому *galga*. Касательно первого компонента этого слова, то шумерское *gal*

имеет несколько схожих по смыслу значений «большой», «великий», «взрослый», «главный» (Канева, 2006, с. 21, 24, 32, 37, 182, 183; 190). Из всех перечисленных значений самое широкое распространение имеет семантика, закрепленная за сегментом *gal*. Соответственно, шумерский и лакский варианты (*galga*, *ɣalɪɣla*) являются сложными словами, распадающиеся на два компонента, из которых *ga* исторически восходит, как нам представляется, к автономному шумерскому *gu* «голос», синхронно в кавказских языках грамматикализованному. В абсолютном конце слова краткие звуки [u] и [a] нейтрализуются в сильно редуцированном звуке [ɣ] (*gu* / *ɣla*).

Неоднократные попытки многочисленных авторов возвести этимологию самоназвания ингушей *ɣalɪɣlaj* (*ɣalɪɣla*, ед. ч.) к понятию «обитатели башен» (инг. *ɣala* – «башня», впоследствии трансформировавшееся во «дворец», «поселение», «крепость» и «город») были, по всей видимости, основаны чисто на созвучии, и то только лишь компонентов терминов. Сомнение в достоверности такой этимологии как нельзя верно выразили А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе. Согласно мнению этих авторов, «одним из древнейших этнических пластов ингушей являются «*ɣalɪɣla*» (Харадзе, Робакидзе, 1968, с. 20, 21, 27, 33, 34; Робакидзе, 1968, с. 48).

Действительно, само слово *ɣala* «башня» через *gal* «большой», «великий» восходит к шумерскому *e-gal* «дворец» (букв. «дом большой»). Из Двуречья этот культурный термин получает широкое распространение во многие языки древней Передней Азии. При этом, несмотря на растянутость процессов заимствования во времени, семантика его во всех заимствованиях в основном остается довольно неизменной. К примеру, в урартских надписях мы его находим в той же форме *È-GAL* и не только в значении «дворец», но и в значении «цитадель, крепость» (Меликишвили, 1950, с. 38; Меликишвили, 1960, с. 69-70; Меликишвили, 1953, с. 252, 285-286; см. также Дьяконов, 1968а, с. 7). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 169, 196, 197, 198; см. также Хайров, 2017б, с. 39-40), где было установлено тождество между шумерским [e] «дом» и устаревшим ингушским *le* «обитель, жилище» (букв. «[место] оставания») (масдарная форма от *le* (*la*, *li*над) «остаться», «оставаться, пребывать»; от этой формы образовано и другое понятие на ингуш-

ском, а именно Ел «загробный мир») (Хайров, Евлоев, 2005, с. 32, 33).

Впоследствии шум. [«е»] – термин, которым обозначалась домашняя община в ее свойстве хозяйственной и социальной единицы (Дьяконов, 1968б, с. 4). В том же урартском языке мы также находим термин Է в значении «дом». При этом по сведению известного исследователя урартских текстов Г.А. Меликишвили, урартское слово «дом» оканчивалось на [-е], так как идеограмма Է в надписях встречается с фонетическим дополнением [-е] (Է-е, Է-а), что подтверждает верность ранее сделанных нами предположений о наличии в этом термине фонемы [I] (арабск. ڤ «айн»), который не отображается графикой индоевропейских языков – на этих языках в основном публикуются труды по ориенталистике. Опять же в урартском встречается идеограмма Է «дом» уже в обозначении другого значительного строения, храма: Է-BAR, Էkurra (Меликишвили, 1954, с. 184; Меликишвили, 1953, 252). Любопытно, что в урартской письменной традиции шумерский термин Է приобретает очень широкое значение – «дом, участок, хозяйство» (Дьяконов, 1963, с. 93). Следовательно, инг. Գала соответствует фонетически и семантически шумерскому e-gal (в инг. транскрипции Ie-Գал(а) – «обитель (жилище) большая»). М.И. Джандиери и другие авторы относят зарождение большесемейных жилищ башенного типа в Передней Азии к IV-III, а то и к V тыс. до н.э., и считают, что территорию Кавказа и Закавказья позволительно отнести к одному из очагов зарождения жилищ такого типа (Джандиери, 1981, с. 118, 136; Джандиери, Лежава, 1976, с. 4-6, 14, 35, 47, 77, 78, 98-104; Худадов, 1937, с. 200, 212, 213; Пиотровский, 1947, с. 187). Отсюда вытекает, что башенный архитектурный стиль сложился в Передней Азии задолго до прибытия сюда шумеров, и вполне возможно, что само слово e-gal, которое ныне принято считать шумерским, по своей сути является заимствованием из дошумерского, аборигенного языка.

Ко всему этому С.Л. Николаев считает, что хетт. *hali-(n)* «хлев для крупного рогатого скота»; «стена»; древнегреческое *καλιᾶ* «деревянный домик», «хижина» заимствованы из прасеверокавказского: ПСК **qalV* «дом», «сарай» (Николаев, 1985, с. 63, 69).

Отсюда вытекает, что утверждения некоторых авторов о том, что термин Գала (в общеизвестной ныне форме «кала») якобы иранского,

тюркского или арабского происхождения, по нашему глубокому убеждению, вообще не выдерживают никакой критики.

Однако, возвратимся к теме нашего исследования, т.е. к термину *ǵalga*, которое перекликается с другим, довольно близким по смыслу шумерским понятием *gal...zu* «быть мудрым» – где *gal* «великий», «великое», *zu* «знать»; Канева, кажется, дает более точный перевод *gal-zu*: «много знать» (букв. «большой-знать») (Канева, 2006, с. 190).

В письме Шульги от Арад-му термин *gal-zu* переводится как «мудрец» (точнее *gal-zu unkenapa-šē* – «мудрец совета») (Архипов, 2002, с. 82).

Это же слово в форме шумерского имени судьи *Gal-zu* мы встречаем в списке свиты царя Маништусу (Этнический и социальный факторы..., 1963, с. 177). Само собой разумеется, что значение этого имени сводится к понятию «мудрец».

Наблюдается лексическое и семантическое тождество между шум. *zu* и инг. *ze* (зув, зийнад) – наблюдать, замечать, выследить, надзирать, подметить; *zem* – опыт, наблюдение; *zer* – надзор, наблюдение (Ингушско-русский словарь, 2009). Думается, что инг. *zirak* – «мудрец» из этого же фонетического и семантического ряда (Хайров, Евлоев, 2005, с. 94; Хайров, 2011, с. 178, 183, 183).

Ю.Л. Мосенкис, рассматривая вопросы присутствия кавказского языкового субстрата в кельтских и германских языках, произвел лексические сопоставления, которые представляют интерес для нашего исследования. Он пишет, «пракельт. **dago-* «хороший» (неиндоевроп.) – чеч. *дика* «хороший», адыг., кабардинск. *дахэ* «красивый», хуррит. *dagi* «красивый», шум. *dug* «хороший, добрый» (см. Мосенкис, 2007, с. 10). Этот автор полагает, что и в пракельтскому «**dago-*» имеется параллель и в германских языках (гот. *audags*, др.-верх.-нем. *otag* «счастливый»), причем немецкие слова считаются догерманскими, доиндоевропейскими» (Мосенкис, 2007, с. 10).

Дополним данные Ю. Л. Мосенкиса следующим материалом из нескольких языков. Шум. *dúg* (глаг.) «быть приятным, хорошим, благополучным»; *dúg-a* «приятные вещи, дела, т.е. то, что приятно»; *dúg-bi* (нареч.) «приятно, нежно»; *dúg* (нареч.) «доброжелательно» (Канева, 2006, с. 108, 185, 187, 190; см. также Дьяконов, 1967, 50).

Инг. *дика*, *д*, *суц.* «добро»; *дика*, *прилаг.* «хороший, добрый, прелестный, достойный, ка-

чественный» (Ингушско-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004); бацб. дакин «хороший» (Дешериев, 2006, 354). Ю.Д. Дешериев отмечает, что словоформа «дакин» с корневым [а] является первичным (Дешериев, 2006, с. 355). Мы находим этот термин и в греческом языке, где он получил очень широкое толкование: δίκη ἡ 1) первонач. обычай; (на др.-греч. первоначально «правда»); 2) право, справедливость, правосудие; 3) обыкн. судопроизводство, процесс, тяжба, суд; 4) решение суда, наказание, штраф; отсюда δίκαιος, а) (δίκη), справедливый, праведный, законный; б) надлежащий, хороший; такой, какой должен быть; δικαιοσύνη, ἡ, а) справедливость, законность; правосудие; б) Н.З.: дело праведное, благодеяние (Древнегреческо-русский учебный словарь, 1997, с. 43; Вейсман, 1991).

Шум. ág «мерить», «измерять» (Канева, 2006, с. 21. 71, 73, 166, 235). Ср. инг. дагарде «считать, подсчитать, отсчитать, подсчитать» (Ингушско-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004), где д – кл. показ., -ага – корнеоснова, -р- словообразовательный суффикс, -де (*глагол.*) «делать».

Термин МЕ («быть-являться (чем-либо)», «бытие») является самым сложным понятием шумерского языка. Мы же в данной статье, чтобы ее излишне не усложнять, ограничимся предельно кратким изложением этого понятия. (Ср.: этруск. am- «быть», лемнос. a-o-mai: хурр. man(n), урарт. man- «быть» родственно о.-вост.-кавк. * i-ma(n)- «пребывать, оставаться», ср. также абх. a-ma-ra / Иванов, 1983б, с. 45/ (сопоставление с абхазским принадлежит Н.Я. Марру) (Иванов, 1988, с. 215); ХУ *man-: хуррит. man-, урарт. man- «быть» < ПВК *ʔi-ma(n)-: ПЛ *ʔi-ma > лезг. ama, таб. imi, арчин. im(a)- «оставаться» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 173; см. также Меликишвили, 1953, с. 294).

В.В. Емельянов приводит составные имена и глаголы, содержащие в своем составе шумерское МЕ. Для нашего исследования интерес представляют несколько слов из них, как, например, me-zu («МЕ-знать») «ясновидец»; me-gal-zu («МЕ-великое-знать») «толковать сон» (Емельянов, 2000, с. 172). И вот в связи с чем.

В ингушских преданиях упоминается «ученейший мудрец МаГал, обладатель замечательной священной книги, из которого он обыкновенно черпал свою мудрость и знания» (Дахкильгов, 1991, с. 171). Некогда он продолжительное время жил и пророчествовал на берегу Черного моря.

В языческом храме МаГло-Ерд Горной Ингушетии, носящего имя этого святого, раньше на ночь отправляли человека, предварительно совершившего омовение в молоке. Считалось, что в святилище этого человека посещали вещие сны. Цай-саг – жрец, толковал эти сны, и люди поступали сообразно им (Дахкильгов, 1991, с. 171-174; Танкиев, 1997, с. 263-270). В связи с чем мы предполагаем, что само имя мудреца МаГал (MaГlo), его ученость и дар ясновидца, как основные черты его характера, которые столь настойчиво отмечаются в преданиях, и сам обряд вещих сновидений в его святилище находят свое понимание именно в таких шумерских понятиях как gal-zu «мудрец», me-zu («МЕ-знать») «ясновидец»; me-gal-zu («МЕ-великое-знать») «толковать сон». Более того, мы считаем, что у нас появились достаточно веские основания считать, что шумерское me-gal-zu и ингушское МаГал имеют непосредственную этимологическую связь и по своей сути является одним и тем же словом, если не считать утерянного, по всей видимости, последнего компонента (в контексте преданий этот компонент все же подразумевается).

Тот же В.В. Емельянов пишет, что «от глагола me «быть-являться (чем-либо)» образованы наречные формы, выступающие в функции вопросительных слов: me-a «где?» (букв. «в МЕ?»), me-še3 «куда?» (букв. к МЕ?»), me-na-še3 (<me-da-še3?) «до каких пор?» (букв. «до МЕ?»), me-da «когда?» (букв. «с МЕ?»))» (Емельянов, 2000, с. 171).

Интересно отметить, что вопросительное местоимение ингушского языка «мича» (нареч.) – куда, «мича // мичахья» – где? в каком месте, «мичара» – откуда; как и бацб. «мичме» – где-нибудь; миче, мичре(н) – где, откуда; чеч. – «мича» – куда? «мичхья» – где? «миччара» – откуда-нибудь, имеет этимологическую связь с шумерским me-še3 «куда?» (Ингушско-русский словарь, 2009; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984; Мациев, 2000) (букв. к МЕ?). Под №50 в каталоге Университетского музея (Пенсильвания) зарегистрирована шумерская табличка с названием «Mesheam iduden («Куда ходил ты»)». По сведениям С. Крамера, это конец первой строки текста о жизни ученика. Полностью первая строка читается так: «Dumu edubba uulam meshe ididen» («Ученик, куда ходил ты с раннего детства?»). Как отмечает автор, «...писец выбрал не первую, а вторую половину первой строки – видимо по-

тому, что произведений, начинавшихся словами «*dumu edubba*» (т.е. «ученик»), было слишком много. Писец хотел, чтобы было ясно, о каком именно произведении идет речь» (Крамер, 1991, с. 219). Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров, 2011, с. 195).

Вполне возможно, что и словообразование таких вопросительных местоимений и наречий ингушского языка, как *маца* «когда?», *мишта* «какой? как?», *мала* «кто?», *малага*? «который?», *мел* «сколько? насколько?», *масса* «сколько?» (Ингушско-русский словарь, 2009) происходило по тому же принципу, как и приведенное нами шумерское *me-še3* (*meshe*) «куда?». (Тимаев, 1978, с. 190; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984).

Второе слово, составляющее название данного шумерского произведения – *iduden*, вполне сравнимо с глаголом ингушского языка *в-ода* (*вуода*) (й-, б-, д-) 1) идущий, едущий; 2) бегущий, где [в-] является окаменевшим классным показателем.

В шумерском языке *ḡeštug* (*ḡ=гI*) «ухо, разум» (Канева, 2006, с. 235). [По сведению же И. Фридриха, *gestug* просто «ухо» (Фридрих, 1979, с. 67). От этого слова происходит *ḡizzal* «понимание» и также составной глагол *ḡizzal-ag* «слышать, обращать внимание» (букв. «ухо делать») (Канева, 2006, с. 211). К этому же семантическому гнезду относится еще одно шумерское понятие *lù-geštùg-ga* «мудрый человек» (букв.: «человек уха») (Канева, 2006, с. 49).

В цилиндре А Гудеа сам Гудеа назван широкоухим, т.е. неохватно разумным (Емельянов, 2000, с. 166, 167). [Ср. бацб. (цова-гуш.) *lark da* (букв. «ухо делать») «внимать», «обращать внимание»; инг. *лерг де*, *ларг дога*, *ларг дегIa* (букв. «ухо наострив» (букв. «посадив») – «внимающий», «прислушивающийся», «насторожившийся»]. Интересно и другое понятие на инг. «лерг дийла» (*лерг дийла ва* из *даиман*; *лерг дийла вага* из; *лерг дийла вага со* (букв. «ухо открытым сижу я»), т.е. я слушаю, внимаю, я весь внимание).

К этому шумерскому слову близко по звучанию и семантике: ХУ **xas-*:

хуррит. *хаз-* «слышать», урарт. *хас-* «слышать, слушать». Ср. ПН **Хас'-*: бацб. *Хас'-*, чеч. *Хаз-* «слышать» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 185; Дьяконов, 1967, с. 127). Авторы данной работы упустили из виду инг. *хаза* «слышать, услышать» (*хаза* (*хоз*, *хезар*, *хезад*, *хозаргда*) глаг.

«слышать, услышать»; *хазар* сущ. *д*, (только в ед. ч.) «слух») (Ингушско-русский словарь, 2009), и звучит оно одинаково с хуррит. *хаз-*.

Нам представляется, что бацб. *газ-ѳ* прилаг. «хороший» (Чрелашвили, 2001, с. 201); бацб. *газе* «красивый», «хороший» (Халидов, 2008, с. 119, 175); опять же бацб. *газен* «хороший, добрый»; *газна* – отвл. от *хороший*, прекрасный (состояние); *газол* – отвл. от *хороший*, доброта (качество); *газейвхй*, *газивхй* «лучший» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984); чеч. *хаза*, инг. *хоза* «красивый», инг. *гоза нареч.* «на радость», *гоздалар масд.* «радость», чеч. *гоза* «на счастье, на радость» (Ингушско-русский словарь, 2009; Мациев, 2000) восходят к общему для хуррито-урартского и нахских языков термину *хаз-* «слышать».

С нахскими формами и опять же с вышеприведенным примером из самих хуррито-урартских языков переключается хуррито-урартское **gaz-*: урартскому *gaz-uli* «красивый», «прекрасный», «хороший» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 191; Меликишвили, 1971, с. 285), по всей вероятности, имеющие этимологические связи с шумерскими словами *ḡizzal* и *ḡizzal-ag*. Нам представляется, что эти слова составляют единую ассоциативную группу понятий и этимологически взаимосвязаны с шум. *ḡeštug*, *ḡizzal*. Правда, в некоторых словах мы наблюдаем традиционный для нахских языков переход фонемы [gI] в *х*. Названная ассоциативная группа состоит из ряда близких по контексту значений, таких как *слушающий, внимающий, понимающий, – отсюда понятливый, разумный, далее – хороший, красивый, и, наконец, – радостный*.

В этимологической связи с урартским *gazuli* «красивая, прекрасная» находится устаревшие инг. женские имена: *Хазули* (вариант *Хазула*) с тем же этимомом, *Хозни*, *Хозиг*, *Хозниг* (вар. *Хоза*), чеч. *Хаза*; к этому ряду, вероятно, принадлежит и ингушское название растения *хазули* (девясил высокий – *Inula helenium*) с общеизвестными лечебными свойствами. По сведениям Ю. Д. Дешериева, в нахских языках естественны случаи перехода *gI* в *х* (Дешериев, 2006, с. 244, 400).

В городе Уре археологами был найден домашний архив некоего Эа-насира времен династии Ларса. Он занимался скупкой меди на о. Дильмун (Бахрейн) (между 1813 и 1790 гг. до н.э.) и был хозяином крупной медеплавильной и медеочищительной мастерской. Так, в тексте

одной таблички из этого архива мы находим место, «где он сдает или должен казне бронзовые предметы (как свою *zag-u* «десятину», т.е. как пошлину с товаров» (Дьяконов, 1973, с. 40). В другом документе (времени после падения династии Ура), протоколе о разделе имущества жреческой семьи, упоминается около 8 кв. м. застроенной площади, часть которой обложена десятиной «*zag-u*» (Дьяконов, 1973, с. 46, 50).

И. М. Дьяконов отмечает, что вавилоняне не строго соблюдали налоговую терминологию – одни и те же сборы могли в быту, особенно в разных городах, называться по-разному, и, наоборот, разные сборы одинаково. По сведению автора, сбором продукции или денег с царских людей являлся, например, *gu* или *biltum* «дань» для сельскохозяйственного населения;...собственно налогом, вероятно, являлась, например, *zag-u*, или *ešterum*, однако «десятина» была явно не единственным налогом.

Шум. *gu(-un)* «дань» (ср. инг. *ɣlod*, чеч. *ɣлуда* «штраф», бацб. *ɣIal* «оброк» (Ингушско-русский словарь; Мациев, 2000; Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984), видимо, то же что *zag-u* в Уре, т.е. налог с имущества. Итак, мы выяснили, что в Уре *zag-u* (*nam-u*) – налог с имущества. Отметим, что в Уре *zag-u* смешивался с шум. *zag-ha*, аккад. *mākisum* «таможенный сборщик», но также, видимо, и *miksum* «пошлина»; такая пошлина собиралась в Уре храмом Нингаль с товара купцов, в том числе и приезжих. Для *miksum* употреблялась и другая шумерограмма *ni(g) -ku(d)*, но в быту этим термином обозначалась и арендная плата (обычно – *gu(-un)*, *biltum*... (Дьяконов, 1973, с. 58, 59).

Из всей этой шумерской налоговой терминологии в данное время для нас важно лишь понятие *zag-u* «десятина», «налог с имущества», связанное с ним *zag-ha* «таможенный сборщик».

Это слово сохранилось до наших дней в ингушском в виде *zagla* сущ. д (только в ед. ч.) в значении «приношение на похоронах», «подарок из съестных припасов» (ср. бацб. (цова-туш.) *ɣуven* (в инг. транскрипции *ɣIven*) «дар», «подношение», «гостинец» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984); груз. *ɣуven* «подношение» (Утургаидзе, 1978, с. 86). В настоящее время этим термином обозначается денежное вспомоществование семье усопшего, которое делается почти всеми присутствующими на похоронах. И сейчас при установлении размера подношения в деньгах за основу берется денежное выражение стоимости

килограмма мяса, как основного продукта номинальной пищи. Возможно, что в прошлом круг лиц, обязанных делать такое подношение, определялся только ближайшими родственниками со стороны хозяина или хозяйки дома и этим объясняется происхождение термина родства с этой корнеосновой. Производным от *zagla* является термин родства *zahal* (отсюда *zoaxalol* «сватовство») – родственник со стороны невестки или зятя, так как, по всей видимости, ближайшие родственники свойства также входили в круг вышеназванных родственников. Верность наших исследований подтверждается и наличием в чеченском языке понятия *zaglalo* – женщина (близкая родственница жениха), преподносящая подарок родителям невесты. [Ср. груз. *m-zax-ali* – родственник со стороны мужа, жены; *m-zaxl-oba* «сватовство» с той же корнеосновой (Краткий русско-грузинский словарь., 1969)]. В термине ингушского, как видим, наблюдается переход [ɣI] в [x]; в котором *-lo* – является суффиксом лица. Устаревшее мужское имя *Zaglu(a)* и гидроним *Zagla-аьли*, вероятно, принадлежат к той же этимологии. Следовательно, тождество шум. *zag-u* «десятина» и инг. *zagla* налицо. Об этимологической связи терминов *zakʔalt* «задаток» и *zagat* (*zakjat*) «обязательный годовой налог в размере 10% в пользу малоимущих, нуждающихся» с исходным термином *zagla*, можно только строить предположения. Первый из них претерпел лишь сравнительно незначительное фонетическое и семантическое изменение по отношению к исходному *zagla*, и, по всей видимости, принадлежит к исконной лексике ингушского языка. В самом слове, возможно, мы имеем переход звука [ɣI] в [кʔ], но заявлять об этом с твердой уверенностью считаем преждевременным. Второй же термин относится к заимствованию из арабского, и, видимо, в свою очередь сам является заимствованием из шумерского, посредством какого-либо другого семитского языка, как то аккадского, арамейского или древнееврейского, и, наконец, из хурритского (субарейского).

Как видим, морфология этого слова несколько искажена. И если мы окажемся правы в своих предположениях относительно этимологии этого термина, то их можно отнести к так называемым вторичным заимствованиям в ингушском языке.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что помимо внешних созвучий, мы можем довольно определенно заявлять и о семантиче-

ских совпадениях у сопоставляемых терминов. Так или иначе, и в шумерском *zag-u* и в инг. *zagla*, и в араб. *zagat* речь идет о семантической идентификации: о выплатах, будь то в виде налогов, пошлин или в виде обязательных подношений, подарков. Отчисления *zagata* от доходов (урожая, приплода скота) по шариатским нормам также обязательны для каждого мусульманина. Выплаты эти обычно производились в натуре или в денежном исчислении. Что же касается исторической этимологии термина, то здесь можно констатировать лишь тот факт, что инг. слово *zagla* сохранило свое первоначальное значение и имеет связь только с отношениями внутри рода (включая сюда ближайших свойственников) или общины, в то время как шумерский и арабский эволюционировали до социально значимого термина государственного уровня.

Несомненный интерес для нашего исследования представляет шумерский термин *bal* «лопата». В комментариях к книге И. Е. Гельба «Опыт изучения письма» И. М. Дьяконов замечает, что «для написания *ba-al* «копать», вероятно, было существенно, что второй знак *-al* сам по себе означал «лопата», так что данное написание можно было рассматривать и как *bal* ЛОПАТА, т.е. «знак «лопата» в значении «копать» *bal* с «подсказывающим» произношением знаком *ba*». И. М. Дьяконов высказывает сомнение о правильности чтения этого слова И. Е. Гельбом и предполагает, что фонетическая разница между другим шумерским словом *bal* «переходить» (ср. инг. *в-ала*, *б-ала*, *й-ала* «перейти, преодолеть», где *в-*, *б-*, *й-* окаменевшие классные показатели (Ингушско-русский словарь, 2009) и *ba-al* «копать», могла заключаться в тоне. Смыслоразличительную тональность омонимов в шумерском языке автор относит к их большому числу в шумерском языке (Гельб, 1982, с. 297, 298; см. также Дьяконов, 1996, с. 85, 87).

У И.Т. Каневой мы также находим такое же чтение этого слова: *bal* «копать» (Канева, 2006, с. 41, 58, 136, 190).

Шумерское *ba-al* «копать» (чтение /*ball*/, а не /*baall*/) тождественно ингушскому *боал* «пласт, слой (земли)», «борозда» и названию земледельческого орудия *бел* «лопата» (Ингушско-русский словарь, 2009; см. также Мациев, 2000). Шумерский термин *bal* «лопата» является культурным миграционным термином, широко распространенным во многих языках: иберийско-кавказ-

ских, индоевропейских (иранских) и тюркских. В иберийско-кавказских языках термин *bel* «лопата» представлен следующими вариациями: груз. мегр. *bar-i*; лаз. *beli*; абаз. *bel*; каб. *bel*; чеч. *biel*; инг. *bel*; бацб. *bar*; авар., анд. *bel*; кар. *bele*; ахв. *beli*; багв. *bel*; тинд. *bel*; чам. *bel*; лак., дарг. *bil*; арч. *bel*; лезг. *per*; таб., аг., цах. *ber*; рут. *bar*; крыз., будух. *bel*; хин. *bel*. Г. А. Климов и М. Ш. Халилов выводят мегр. *bar-i* и бацб. *bar* из груз. *bar*, лаз. *bel* из тур. *bel* «лопата»; абаз. и сходные формы других языков авторы считают тюркскими заимствованиями (тур., азерб. *bel* «лопата») (Климов, Халилов, 2003; Бернард Комри., 2010, с. 387, 388; Шагиров, 1977). А. К. Шагиров же, наоборот, относит данный термин к заимствованию из персидского языка.

Отметим этот факт: чуть позже мы вернемся к нему.

В иранских языках термин *bel* «лопата» представлен в следующем порядке: ср.-перс. *bēr* «лопата», кл. перс. *bel*, тадж. *bel* «лопата»;

курд. курм. *bel*, *bēr*, курд. сор. *bel* «лопата, заступ» (где исконна

только форма *bēt*, остальные заимствованы из перс. [Цаболова. ЭСКЯ I,

165-166]), гур. *bala*, *bāli*; бел. *bard*; шам. *bel*; сив. *bile-*, сед. *bil*,

bad; вон. *bar*; тал. *bor*, кеш., сои *bal*; кохр. *bol*, сайг., ласг. *bole*;

семи, *bale-*, зефр., кафр, *berd*; гази *bard*; башк. *bahr*. В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман склонны считать этот термин производным от *bad-* «копать, рыть; пронзать, колоть», которое восходит к арийск. **badh-*, в свою очередь, восходящему к и.-е. **ibhedh-* «вонзать, втыкать; копать, рыть» (Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 43-44).

В тадж. (горон., ишкашим., и вахан.) *бел* тоже означает «железная лопата» (Мухиддинов, с. 94). По данным Л. А. Фирштейна, у горных таджиков термин лопата представлен следующими названиями: *бел* «железная лопата» (уменьшительное белча) (бассейн реки Хингоу, долина Хуф, верховья Зеравшана, южный Хорезм); *бели обдихи* «лопата для подачи воды», или *каджбел* «кривая лопата» (Дарваз, Каратегин); *бели охан* «лопата железная» (у горных таджиков); *бел*, *бил* «деревянная лопата для провеивания зерна» (верховья Зеравшана) (Фирштейн, с. 172, 186).

По ходу исследования этого названия земледельческого орудия выясняется, что среди ученых нет единого мнения о его происхожде-

нии. Однако, как нами было отмечено выше, он зафиксирован в шумерских письменных памятниках протописьменного периода (3100 – 2750 гг. до н.э.), который характеризуется появлением хозяйственных, юридических и школьных текстов (хронология дается по Гельбу, 1982, с. 68, 70; Каневой, 2010, с. 13). На этом этапе исследования означенного термина мы склонны считать, что источником его происхождения является шумерский язык. Относится ли термин к исконному шумерскому языку, или он был заимствован шумерами из субстратного языка – вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Кстати, можно заметить, что некоторые ученые, исследуя происхождение культурной лексики, склонны пренебрегать историческим подходом, и без достаточных оснований относят термины из этой области к заимствованиям из персидского, тюркского и иных языков. Между тем, следует учитывать, что миграция кочевников ираноариев в Переднюю Азию началась никак не раньше X в. до н.э., а процесс перехода к оседлому образу жизни и перехода к земледелию растянулся у них почти на 500 (пятьсот!) лет. Таким образом, между фиксацией данного термина и появлением персов в зоне земледельческой деятельности – более двух тысяч лет. Поэтому мы считаем, что персы сами явились заимствующей стороной: в первую очередь, навыков земледелия и названий земледельческих орудий, лексики, связанной с оседлым бытом и появлением письменности и т. п.

Также исследователям необходимо учитывать такой существенный фактор, как ассимиляция аборигенных народов Иранского нагорья персами, в результате которой культурная лексика аборигенов стала составной частью персидского языка. В общих чертах тот же исторический процесс в последующие времена повторили и тюркские народы.

Хотелось бы отметить семантическое и фонетическое сходство шумерского слова *nig-ġál*-(l) а (читается как нингал) и нахского слова мангал (коса) [Ср. бацб., инг., чеч. мангал «коса» (Бернард Комри...2010).]

Шумерское слово *nig-ġál*-(l)а, < аккад. *niggall*-<*mingal- «серп» > западносемитское: др.-евр. *maggāl*, араб. *maggal-t*-а, араб. *miṅṅal*- «серп», от несохранившегося глагольного корня *ngl. И. М. Дьяконов считает этот земледельческий тер-

мин заимствованием из аккадского языка (Дьяконов, 1996, с. 84, 87).

По А. Ю. Милитареву, «... *nigal «жать (жатвенный нож), серп» (шум. > *Niṅ-ṅál* «серп». Семит.: аккадск. *ningal*-, *niggall*- (вероятно, «обратное» заимствование из шумерского), др.-евр. *maggal*, араб. *mangal-t*-, *maggal-t*- (обычно западносемитские формы рассматриваются как заимствованные из аккадского, но они скорее похожи на отглагольные имена <*ma-ngal) «серп», араб. *nzi* «собирать урожай, возделывать землю», *mi-ndzal*- «серп». Чад. (*zan*.): мия *ngala-tə*, варджи *ngalata-na*, мбурку *gəlatə*, кария *ngaləta* «серп, (тесло)», (центр). нджанье *ngila* «нож, меч», гуде *ngila* «нож» (на пращадском уровне возможна реконструкция *nigal-at)» (Милитарев, 1989, с. 129).

Араб. *mangal* означает «серп». удин. *mangal* – «крупный серп», цахур., рутул. *mangal* – «тиски», лезг. *mangal*, *mukkal* – «крупный серп», агул. – *makal* «серп». О. И. Виноградова и Г. А. Климов считают, что в перечисленных дагестанских языках термин заимствован из армянского языка, а в самом армянском слово усвоено из семитских языков (ср. аккад. *manigallu*) (Виноградова, Климов, 1979, с. 155-157).

Далее, Дж. Гриппин отмечает, что и армянский язык и дагестанские языки получили название серпа из персидской формы, куда оно попало через арамейский (Дж. Гриппин, 1994, с. 160, 161).

Известно, что ручные орудия являлись универсальными средствами. Конструкция серпа со временем изменялась в зависимости от географии и природно-климатических условий. Так, например, в недавнем прошлом у ингушей и у грузинских горцев применялось орудие для жатвы травы, у которого сочетались конструкторские особенности серпа и косы. И, естественно, древнее название серпа у многих народов перешло на название нового орудия – косы. Так, М. Ш. Халилов отмечает, что в удин. (варт.) языке слово *маьнкаьл* означает не собственно серп, а «инструмент для срубki кустарника в виде серпа» (Халилов, 1998, с. 74). Но уже другой автор, Г. А. Климов, отмечает, что в удин. языке *mangal* означает «коса» (Климов, 1967, с. 79, 80).

Отметим также, что в грузинском языке название серпа сохранилось в двух формах: *намгал-и* <мангал-и, и это же название перешло на другое орудие – косу (Куркиев, 1969, с. 132; см. также Равдоникас, Смирнова, 1978, с. 216).

По Л. А. Фирштейну, серп у хивинских узбеков *мангад* // *амгал* (Фирштейн, 1970, с. 174).

В текстах шумерских табличек имеется такая надпись: «2 *ga-kí-a* [AWL, Nr.100: П 2] – «2 сосунка» (букв.: «молоко-кормить-тот»), т.е. «2 вскормленника; (*kí* «есть», «кормить», *kí-a* «выкормыш», т.е. «тот, которого вскормили») (Канева, 2006, с. 184).

Ингушский язык сохранил это шумерское словосочетание. Так, в ингушском *гаки*, ласкательное 1) *младенец, малютка, грудной ребенок* (*Ингушско-русский словарь, 2009; Куркиев, 2004; Мациев, 2000*); 2) *Гаки, Гака – устар. мужское имя; 3) нариц.: великовозрастный детина.*

Немалый интерес для наших исследований представляет шумерское понятие *silim*. По сведениям И.Т. Каневой с этим словом связано происхождение ряда понятий в шумерском языке:

u-na-a-dug4-silim-ma «письмо приветствия» (Канева, 2006, с. 31];

ká-silim-ma-bi «ворота благоденствия» (Канева, 2006, с. 44);

silim-silim-bi «благосостояние их (=стран)» (букв. «благосостояние-благосостояние-их») (Канева, 2006, с. 62);

...*silim-e-šè*... «за здравие» (Канева, 2006, с. 66);

silim-šè e «говорить во здравие» (Канева, 2006, с.121);

...*ní silim-še al-e* «во здравие говорит» (Канева, 2006, с.166);

silim-ma dùg «...доброжелательно сказать (ему) «будь здоров!»» (Канева, 2006, с. 108);

silim «благоденствие» (глагол «быть в хорошем состоянии, благополучным» (Канева, 2006, с. 182). [Ср. инг. словоформу *салам-кад* – дословно «приветствия-чаша»].

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют богатство значений и оттенков, которые шумеры придавали этому слову, хотя, по нашему предположению, первоначальное значение слова можно свести к понятиям «благосостояние, благоденствие, благополучие».

Несомненно, арабская формула приветствия *салам* «мир, благополучие» (*Ас-саламу-Талейкум – Мир вам и вашему дому*), воспринятая от них многими народами, исповедующими ислам (в том числе и ингушами), восходит к шумерскому *silim*. Сюда же относится и древнееврейское приветствие *шалом, шалем* «мир, благополучие» (Учение..., 1993, с. 279). Наличие в арабском, как и

в ингушском языке, местоимения *ас*, восходящее к форме *со* «я» (здесь в форме *аш*, араб.) наводит на мысль, что оба слова *ас* и *салам* заимствованы ими непосредственно от субарейцев в убейдский период (V – начало IV тыс. до н.э.) (см. Ладынин, 2004, с. 75; История Древнего Востока, 2001, с. 114). Основанием для такого рода утверждений служит наличие термина *silim* «здоровье» в близкородственном урартском языке (Меликишвили, 1954, с. 191), который в этом отношении служит как бы связующим звеном между шумерским и нахскими языками.

Более того, мы находим, как нам кажется, эквивалент шумерскому *silim* в хуррито-урартском: **sawl-*: хурритском *šsawlè* «здоровье, процветание» (Дьяконов, Старостин, 1988, с. 181).

Предположительно, близко к шумерскому *silim* стоит в ингушском *салолам* «удовлетворение, отдых, покой» (букв. «восстановление духа, души») – сложное слово, состоящее из: 1) *са* – а) душа, дух; б) душа, человек (*при указании количества*); в) жизнь; 2) *лала*, глаг. – восстановить, собрать, смонтировать (*Ингушско-русский словарь, 2009*); (ср. бацб. *лала* – «желать, хотеть» (Кадагидзе Д., Кадагидзе Н., 1984). Конечный компонент [-м] служит словообразовательным суффиксом.

О широком распространении шумерской формулы приветствия (пожелания) на Северном Кавказе свидетельствует факт бытования данного приветствия в форме *салам* (b, d) «поклон», «приветствие» и у христианизированных цовагушинцев (бацбийцев), которые ныне проживают на территории Грузии.

Все это дает основание считать или, вернее, наводят на догадку о возможном нахском происхождении шум. термина *silim*.

Возвращаясь к приведенному выше шумерскому понятию *ká-silim-ma-bi* «ворота благоденствия», мы не можем обойти стороной факт лексического и семантического тождества шумерского *ká-* «ворота» и инг. *ков* (*коу*) «двор», «поселение» (появление фонемы [v] является фонетическим процессом, когда долгие гласные [o] и [y] посредством звука [v]) трансформируются в дифтонги), восходящее к понятию «ворота»; чеч. *ков* с одинаковым значением с шумерским. Мы видим, что в чеченском этот термин не трансформировался и сохранил свое основное, первоначальное значение, и потому он полностью совпадает с шумерской трактовкой. Ингушское *ков*

как двор с домом есть метонимия от *ков*- «ворота». В урартском *KÁ* (-li) означает «ворота». Кроме того, по сведениям Г.А. Меликишвили под *KÁ* «ворота» того или иного бога подразумевается посвященный этому богу храм: например, *Ḫaldinili KÁ-li* – «Халдовы ворота», т.е. посвященное богу Халду культовое сооружение (CICH, 22, 23, 62) (Меликишвили, 1954, с. 186; 1951, с. 32-33; 1953, с. 254; 1971, с. 281; 1950, с. 38). [Ср. картвельское *qar* «дверь» (Утургаидзе, 1978, с. 90), «ворота» (топоним Тетрис-кари «Четыре ворота» на границе Ингушетии и Грузии): чеч. *ков* «ворота» (Мацев, 2000); инг. *ков* «двор» (Ингушско-русский словарь, 2009)]. Наличие этого термина в шумерском, и тем более в родственном нахскому урартском языке, говорит о бесспорности нашего вывода в пользу принадлежности этого термина к исконной нахской лексике. Более того, само имя урартского бога *Ḫaldi* (урартс. «величественный»; хуррито-урарт. *xel-*: хуррит. *xel-di* «высокий, величественный») имеет вполне объяснимый эквивалент в современном ингушском, а именно: *хьал-ди*, где *хьал-*: 1) «богатство, состояние, имущество, достояние; 2) ситуация, самочувствие; -*ди*: возможность (ср. словообразование от *бог* в русском: *бога[тый]* «имущий», *небога* «неимущий»; отсюда слово *убогий*).

С. А. Старостин находит, что корень этого термина имеет сближения в прасевернокавказском, прасинотибетском и праенисейском языковых семьях. Ср. ПСК **kāci* «ворота»: ПСТ **k(h)* **ə* «дыра, отверстие»: ПЕ **gu* (~*k-*) «отверстие» (Старостин, 2007а, с. 277). Следовательно, попытки некоторых авторов отнести термин *ков* к заимствованию из восточноиранского языка являются беспочвенными.

Вероятность подобного рода заимствований подтверждается постоянными и прочными этнокультурными связями семитских народов сначала с племенами, говорившими на протоевфратском и прототигридском языках, а впоследствии с субарейцами, носителями убейдской культуры, а также хурритами и шумерами.

Притом изначально заимствующей стороной, по всей вероятности, должны были явиться различные полукочевые племена семитов (некоторые авторы в них склонны видеть группы людей, бродящих со своими стадами, так как, по их мнению, кочевой образ жизни в этот период еще не сложился), которые периодически выдвигаясь из глубин Аравийской пустыни, входили в сопри-

косновение с земледельческим миром Передней Азии. Естественно, что, усваивая навыки земледелия, ремесла и городскую культуру, ими заимствовались многие термины и понятия из языка извечно оседлых аборигенов. При всем этом, надо сказать, что передвижения народов в регионе носило вовсе не односторонний характер. О большой древности обратных передвижений народов Месопотамии, в частности субарейцев, в области проживания семитов говорит исторический факт, который свидетельствует, что «в V-IV тысячелетиях до н.э. вдоль всего Восточного побережья Аравии протянулся пояс раннеземледельческих поселений убейдского типа. Связь с Месопотамией прослеживается для этих мест и в периоды Урук (IV тысячелетие до н.э.) и Джемдет-Наср (рубеж IV-III тыс. до н.э.). Племенами убейдской культуры был заселен и архипелаг Бахрейн. Бахрейнские и аравийские памятники намного моложе месопотамских, а некоторые даже привнесены оттуда. Очевидно, колонизация и культурное влияние распространились из Месопотамии в Аравию и Бахрейн, а не наоборот (История Древнего Востока, 2001, с. 242).

Опять же, по свидетельству И.А. Ладынина, «нижнемесопотамские субареи создали особую, т.н. убейдскую археологическую культуру (V – нач. IV тыс. до н.э.), уже знавшую медь и вскоре распространившуюся, с расселением самих субареев, на земли от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также на Северо-Восточную Аравию, включая Бахрейн. Вся эта огромная территория составила относительно однородную этнокультурную ойкумену субареев, известную позднее под шумерским названием «Субир» («Пространство су») (Ладынин, 2004, с. 75).

Субарейцы были первой важной цивилизующей силой в древнем Шумере – первыми землепашцами, скотоводами, рыбаками, ткачами, кожежыками, плотниками, кузнецами, гончарами и каменщиками (Крамер, 2002, с. 54-55).

С начала III тысячелетия до н. э. (приблизительно с XXIX века до н. э.) хурритов уже упоминают (под названием *субареи*, *субир*) шумеро-аккадские клинописные тексты. Следует указать, что само появление письменности датируется примерно этим временем и, таким образом, мы можем утверждать, что о хурритах писали в самых древних письменных источниках, известных на Земле.

Таким образом, термин «субарей» рассматривается как синоним слова «хуррит» (Дьяконов, 1967, с. 113), а хуррито-урартские языки, как мы говорили, относятся к восточнокавказской ветви иберийско-кавказской языковой семьи.

В более позднее время под «субарейским» (шумер. *eme-subir4ki*) однозначно понимался хурритский язык. Следует оговорить, что в шумерском языке существовали фонетические варианты топонима Subar и Subur (Архипов, 2002, с. 82, 89).

Среди аргументов, приводимых И. Гельбом в пользу наличия этнического субстрата, предшествующего как шумерам, так и семитам, имеются и этнические данные: древнейшая династия Шумера происходила из Subarī, в текстах из Фары распространено собственное имя Subur (ср. инг. имя собственное Субар, вар. Субур), а в раннединастических текстах из Лагаша упоминается народ lú-SU.A= субарейцы (Этнический и социальные факторы..., 1963, с. 175; см. также Гельб, 1982, с. 70; см. также Милитарев, 1984, с. 58-59; История Древнего Востока, 2001, с. 114).

Нам кажется, что некоторые имена собственные в ингушском языке, такие, как Субар, Лули, Кути, Каси, Иалам(бек), являются наследием этнокультурных связей далекого прошлого и отображают в языке этнонимы субареев, луллубеев (вар. лулу, луллу; редко лулуми), кутиев (гутиев), касситов (у греческих писателей коссаи или кисси), эламитов. Ведь традиция присваивать имена по названию этносов, проживающих не только в ближайшем соседстве, но и в отдалении, сохранялась в ингушском народе вплоть до второй половины минувшего столетия. Более того, В.И. Авдиев полагает, что «касситы, лулубеи, эламиты и примыкающие к ним гутии принадлежали к исконному населению Передней Азии и были родственны урартам, протохеттам, субарейцам и хурритам» (Авдиев, 1948, с. 444, 445; см. также Юсифов, 1987, с.19, 20, 25,27, 32-39).

По сведениям того же автора, население Финикии и Сирии также было смешанным. Данные исторической лингвистики позволяют установить крайне сложный этнический состав этих областей. Самый древний племенной слой составляли хурриты, воспоминание о которых сохранилось в Библии и в египетском названии Сирии – Хару. Хурриты (субарей) к началу II ты-

сячелетия уже отчасти смешались с семитскими племенами. Затем в эпоху образования Ассирийского государства хурриты растворились среди семитов (Авдиев, 1948, с. 306, 356, 371).

Исторической науке известны хурриты Палестины, имя которых обозначается библейским термином *hōrī* < **hurri* [107 Бытие. Гл. 14, 6; Второзаконие. Гл. 2, 12). И.М. Дьяконов локализирует их на крайнем юге Палестины (Дьяконов, 1954, с. 64).

В связи с проблемой этногенеза ассирийцев Г.А. Меликишвили отмечает: «В специальной литературе не раз отмечено, что антропологически, по своему физическому типу ассирийцы представляли смешанный народ, являлись продуктом смешения семитского элемента с азиатическим хурритским населением. Предпосылки для формирования такого смешанного народа создали многовековое соседство и интенсивное сношение между ассирийцами и хуррито-урартским населением (Меликишвили, 1948, с. 40, 41).

Такой продолжительный и тесный контакт не только хуррито-урартских племен, но и, видимо, всей нахско-дагестанской общности в целом, с семитоязычными народами, безусловно, должен был оставить довольно значительный пласт заимствований в лексике обеих сторон. Немаловажным обстоятельством в этой проблеме представляется и наличие заимствований из дошумерского субстрата в семитские языки, происшедшие через посредство шумерского языка.

В этих сложных этногенетических процессах, растянутых на целые тысячелетия, кроется загадка лексических соответствий в семитских и нахских языках.

Такое обилие лексических сходжений нахского (пранахского) и шумерского языков позволяет нам говорить о неслучайности этих совпадений. Отмеченные выше лексические сходжения, скорее всего, следует интерпретировать как показатели присутствия в дошумерской Месопотамии носителей нахского (пранахского) языка. Надеемся, что дальнейшие исследования субстратного пласта шумерского языка обогатит историческую лингвистику еще многими фактами лексических параллелей между шумерским и нахским языками.

Литература

1. Авдиев В.И. История Древнего Востока. М., 1948.
2. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М., 2003.
3. Архипов И.С. Топоним «Субир / Субарту» в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н.э. // ВДИ, №4, 2002.
4. Афанасьева В.К. Сказание о Гильгамеше, Энкиду и подземном царстве в свете космогонических представлений шумерийцев // ВДИ, №2, 2000.
5. Барахоева Н.М. и др. Ингушко-русский и русско-ингушский словарь терминов. Издание Издание 3-е. Магас, 2016.
6. Березкин Ю.Е. Америка и Ближний Восток: Формы социологической организации в догосударственную эпоху // ВДИ, №2, 1997.
7. Бернгард Комри, Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала, 2010.
8. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
9. Виноградова О.И., Климов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология 1977. М., 1979.
10. Гудава Т. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Интернет-ресурс. <http://www.net-slova.ru/gudava/>.
11. Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.
12. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. М., 2006.
13. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976.
14. Джандиери М.И. Древнее башенное общинное жилище // ВДИ, № 2, 1981.
15. Дж. Гриппин. Несколько замечаний о лексических связях армянского с дагестанскими языками // Этимология 1991-1993. М., 1994.
16. Древнегреческо-русский учебный словарь. Составители Майер Т., Г. Штайнталь. СПб, 1997.
17. Дьяконов И.М. Критика и библиография. Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I, Наири-Урарту. Тбилиси, 1954 // ВДИ, № 2 (56), 1956.
18. Дьяконов И.М. О работе с шумерскими историческими источниками // ВДИ, № 2, 1958.
19. Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М., 1963.
20. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967.
21. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ, №3, 1968а.
22. Дьяконов И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ, №4, 1968б.
23. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973.
24. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
25. Дьяконов И.М. Шумеры и афразийцы глазами историка // ВДИ, №4, 1996.
26. Емельянов В.В. О первоначальном значении шумерского *me* (Методология исследования категорий мироощущения) // ВДИ, № 2, 2000.
27. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
28. Иванов В.В. Древневосточные связи этрусского языка (К проблеме северокавказского характера этрусского языка) // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
29. Ингушко-русский словарь. Нальчик, 2009.
30. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983.
31. История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузищина. М., 2001.
32. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1984.

33. Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
34. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
35. Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // ВЯ, 1967, №3.
36. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
37. Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991.
38. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.
39. Краткий русско-грузинский словарь. Составитель А.Г. Торотадзе. Тбилиси, 1969.
40. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1969.
41. Куркиев А.С. Ингушско-русский словарь. Магас, 2004.
42. Ладынин И.А. и др. История Древнего мира: Восток, Греция, Рим. М., 2004.
43. Липперт Ю. История культуры. СПб., 1907.
44. Массон В.М. Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) // ВДИ, №3, 1971.
45. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
46. Меликишвили Г.А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ, № 1, 1965.
47. Меликишвили Г.А. Диаухи // ВДИ, №4, 1950.
48. Меликишвили Г.А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ, № 2, 1948.
49. Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ, №4, 1951.
50. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №1, 1953.
51. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, № 1, 1954.
52. Меликишвили Г.А. Вопросы истории Манейского царства // ВДИ, №1, 1949.
53. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи (указатель) // ВДИ, №4, 1971.
54. Милитарев А.Ю. Афразийско-шумерские лексические связи // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1984.
55. Милитарев А.Ю. Еще раз о происхождении земледелия по данным праафразийской (прасемито-хамитской) лингвистической реконструкции // ВДИ, №1, 1989.
56. Мещанинов И.И. Восточное Закавказье времен халдских завоеваний // ВДИ, № 1, 1937.
57. Мухиддинов И. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан) // СЭ, 1971, №1.
58. Немировский А.И. История древнего мира. Античность. Т. 2. М., 2000.
59. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.
60. Оздоев И.А. О словообразовании имен существительных в ингушском языке // Вопросы вайнахской морфологии. Грозный, 1983.
61. Оппенгейм А.Лео. Древняя Месопотамия. М., 1980.
62. Пиотровский Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ, № 3, 1947.
63. Равдоникас Т.Д., Смирнова Л.И. Каталог коллекции по народам Кавказа // Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
64. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. В-д. М., 2003.
65. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
66. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007а.
67. Старостин С.А. Нигро-Caukasika // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007б.

68. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007в.
69. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.
70. Тимаев А.Д. Категория грамматических классов в местоимениях нахских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, Т. V. 1978.
71. Утургаидзе Ф.Г. Фонематическая структура грузинского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т.V. 1978.
72. Учение. Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
73. Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ) // Сборник Музея антропологии и этнографии. XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Ленинград, 1970.
74. Фридрих И. История письма. М., 1979.
75. Хайров Б.А., Евлоев Я.И. Нахи: предки и наследники шумеров. – Смоленск, 2005.
76. Хайров Б. Палгай исторен цхайола оагIонаш. (На инг. яз.) // ВИИ, вып. 8. Магас, 2011.
77. Хайров Б. К проблеме происхождения шумерского термина «э-дубба» (дом глиняных табличек) // «Археологический вестник». Вып. IV. Назрань: 2012.
78. Хайров Б. О некоторых именах из припевов грузинских народных песен // Известия Ингушского НИИ гуманитарных наук имени Ч. Ахриева №2, 2013.
79. Хайров Б. К вопросу о названии лир из «царских гробниц» Ура // Сборник «Кавказоведение: научные традиции и современность». (Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова). Магас-Кисловодск: 2014.
80. Хайров Б. Историко-этимологический аспект термина «буру // бурув» // Назрановское укрепление: история и современность. Магас, 2017а.
81. Хайров Б. К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов. Историко-этимологический очерк // Вестник Инг. НИИ №2, 2017б.
82. Хайров Б. Шумерские названия некоторых звезд (созвездий и иных светил) и их лексические соответствия в ингушском языке (К постановке проблемы) // Вестник научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. №1, 2019.
83. Халидов А.И. Введение в изучение кавказских языков. Грозный, 2006.
84. Халидов А.И. Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008.
85. Халилов М. Ш. Хронологическая стратификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках // ВЯ, 1998, №4.
86. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
87. Худадов В.Н. Мегалитические памятники Кавказа // ВДИ, № 1, 1937.
88. Чрелашвили К.Т. Бацбийский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
89. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977.
90. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарий и вводные статьи И.Т. Каневой // ВДИ, № 3, 1964.
91. Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // ВДИ, №2, 1963.
92. Юсифов Ю.Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, №1, 1987.

Сокращения в списке библиографии

- ВДИ – Вестник древней истории
ВИИ – Вестник истории Ингушетии
ВЯ – Вопросы языкознания
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
СЭ – Советская этнография

Сокращения названий языков и диалектов

Абх. – абхазский, авар. – аварский, аг. – агульский, анд. – андийский, аккад. – аккадский, араб. – арабский, араб. – арамейский, арчин. – арчинский, ахв. – ахвахский, багв. – багвалинский, бацб. – бацбийский, варт. – вартанский диалект удинского языка, груз. – грузинский, годоберин. – годоберинский, дарг. – даргинский, др.-евр. – древнееврейский, инг. – ингушский.

Иранские языки: перс. – персидский, ср. перс. – среднеперсидский, кл. перс. – классический персидский, башк. – башкарди (группа диалектов юго-западного Ирана), бел. – белуджский, вон. – вонисун (один из диалектов Центрального Ирана), гази – гази (один из диалектов Центрального Ирана), гур. – гураны, сив. – сивенди (язык // диалект северо-западной группы), зефр. – зефреи (один из диалектов Центрального Ирана), кафр. – кафрони (один из диалектов Центрального Ирана), кеш., сои – кешеи (один из диалектов Центрального Ирана), кохр. – кохруди (один из диалектов Центрального Ирана), курд. курм. – курманджи (диалект курдского языка), курд. сор. – сорани (диалект курдского языка), ласг. – ласгерди (язык // диалект полосы Семмана), осет. – осетинский, санг. – сангесари (язык // диалект северо-западной группы Ирана), сед. – седеи (один из диалектов Центрального Ирана), семн. – семнанский, тадж. – таджикский, тал. – талышский, шам. – шамерзади (диалект мазандеранского языка). Горонцы, ишкашимцы и ваханцы – припамирские или памирские таджики, родные языки которых относятся к восточно-иранской группе.

Каб. – кабардинский, кар. – каратинский, крыз. – крызский, кум. – кумыкский, лаз. – лазский, лак. – лакский, лезг. – лезгинский, лемнос. – лемносский, мегр. – мегрельский, нах. – нахский, о.-вост.-кавк. – общевосточнокавказский, ПВК – правосточнокавказский, ПЕ – праенисейский, ПЛ – пралезгинский, ПН – пранахский, ПСТ – прасинотибетский, рутул. – рутульский, сван. – сванский, семит. – семитский, таб. – табасаранский, тинд. – тиндинский, тур. – турецкий, удин. – удинский, урарт. – урартский, хетт. – хеттский, хин. – хиналугский, Х.-У. – хуррито-урартский, хуррит. – хурритский, цах. – цахурский, цова-туш. – цова-тушинский, чад. – чадский, чам.-гак. – гакваринский диалект чамалинского языка, чам. – чамалинский, чам.-гиг. – гигатлинский диалект чамалинского языка, чан. – чанский, чеч. – чеченский, шум. – шумерский, этруск. – этрусский.

ЕК (eme-KU, вар. eme-gir5) – мужской диалект шум. язык («правильный, или родной язык»); ES (eme-sal) – женский диалект шум. языка.

Прочие сокращения

глагол. – глагол, лит. – литературный, нареч. – наречие, сущ. – существительное; зап. – западный, центр. – центральный.
